

Статья / Article

Новоселов В.Р. Сабля сераскира Кафы – реликвия Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Историческое оружиеведение. — 2024. — № 13. — С. 9 — 42.

*Novoselov V.R. (2024). Sablja seraskira Kafy – relikvija Russko-tureckoj vojny 1768-1774 gg. [The sabre of Ibrahim Pasha, the Kaffa serasker, as a relic of the Russo-Turkish War (1768-1775)]. *Istoricheskoe oruzhievedenie* [Weapons History Journal], № 13, pp. 9 — 42.*

Received: 25 October 2023 / Accepted: 13 November 2023 / Published: 15 February 2024

Copyright © 2024 The Author, The Center of Support and Development of Actual Research in the Field of Historical Weaponry (АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области Исторического оружиеведения»). This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons CC-BY license ([CC BY 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

Copyright © 2024 Moscow Kremlin Museums, ВнФ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

№13, 2024

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-63760 от 16.11.2015 г.

ISSN: 2713-1491

eLIBRARY ID: 57987

Издатель: АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения»

Свидетельство Министерства юстиции Российской Федерации от 22.07.2015 г.

Учетный № 7714056109

Copyright © 2024 авторы, АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения».

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Новоселов В.Р.

Сабля сераскира Кафы – реликвия Русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

The sabre of Ibrahim Pasha, the Kaffa serasker, as a relic of
the Russo-Turkish War (1768-1775)

Новоселов Василий Рудольфович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, хранитель коллекции холодного оружия Оружейной Палаты, Музеи Московского Кремля (Москва, Россия).

Dr. Vasilii R. Novoselov — Leading Researcher, Curator of the Arms and Armour collection of The Armoury Chamber, The Moscow Kremlin Museums (Moscow, Russia).

armoury7@kremlin.museum.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению группы сабель, поступивших в Московскую Оружейную палату между 1809-1811 гг. в составе группы оружия, хранившегося в Санкт-Петербурге в Придворной Конюшенной канцелярии. Одна из сабель, принадлежавшая главнокомандующему турецкой армии в Крыму во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. сераскиру Ибрагим-паше была идентифицирована автором, несмотря на предыдущую ошибочную атрибуцию этого памятника как поступившего из императорской рюсткамеры составителем описи холодного оружия Московской Оружейной палаты, составленной Л.П. Яковлевым в 1862 г. и опубликованной в 1884 г. Автору удалось документально подтвердить, что сдавшийся русским войскам сераскир сохранил при себе свою саблю, которая позднее была вручена им в Санкт-Петербурге наследнику престола Великому князю Павлу Петровичу вместе с комплектом конской сбруи.

Автор обратил внимание на то, что в Придворной Конюшенной канцелярии имелась целая группа турецких сабель со схожими морфологическими характеристиками, большая часть которых упомянута как поступившие в виде дипломатических даров от турецких послов и сановников.

Все эти сабли объединяет один общий признак: все они были при седлах в составе комплектов конской сбруи, то есть составляли с ними общий комплекс при подношении в дар. По предположению автора, в XVIII в. в Турции существовала практика подвески под седлом парадного конского убранства коротких сабель, отражавших высокий статус своих владельцев. Этот обычай мог появиться взамен существовавшей в XVI-XVII вв. практики крепить под седлом кончар или палаш в дополнение к сабле на поясе всадника. Аналогичным образом у передней луки седла в специальной петле крепились булавы и пернаты, служившие атрибутом властных полномочий военачальника.

Ключевые слова: Турецкие сабли, сабля сераскира, «седельные» сабли.

Abstract: The article studies a group of sabres which entered Moscow Armoury Chamber between 1809-1811 as part of a group of arms stored in the Court Stable Department in St. Petersburg. In cold arms inventory of Moscow Armoury Chamber compiled in 1862 by Lukian Yakovlev and published in 1884, one of the sabres was wrongly attributed as delivered from Imperial Ryust-kamera. However, the author of the article identified it as belonging to serasker Ibrahim Pasha, the Turkish army chief in Crimea during the Russo-Turkish War of 1768-1774. The author managed to document that, surrendered to the Russian troops, he kept his sabre with him and later presented it together with a set of horse harness to Grand Duke Paul Petrovich, the heir to the throne, in St. Petersburg.

The author draws attention to the fact that the Court Stable Department had a whole group of Turkish sabres with similar morphological characteristics, most of which are mentioned as having been received as diplomatic gifts from Turkish ambassadors and dignitaries. All these sabres share one common feature: together with a saddle, each of them was a part of a horse harness set, thus, it formed a complex alongside with other tools when offered as a gift. The author assumes that in Turkey of 18th century, there was a practice of hanging ceremonial horse harness of short sabres under saddles which demonstrated high status of their owners. This custom

might have replaced another practice, which existed in the 16th-17th centuries, of attaching a koncerz or a backsword under a saddle in addition to a sabre on a horseman's belt. Similarly, maces and pernaches, which served as attributes of a military leader's authority, were attached to the front saddle pommel in a special loop.

Keywords: Turkish sabres, serasker sabre, "saddle" sabres.

В описи холодного оружия Московской Оружейной палаты, изданной в 1885 г., но подготовленной к изданию Л. П. Яковлевым еще в 1862 г., имеется группа оружия, предметы которой записаны в опись как поступившие из Санкт-Петербургской Рюсткамеры в 1810 г., однако при этом отсутствующие в реестре оружия, поступившего из Рюсткамеры, принятого графом Олениным¹. Их происхождение оставалось неизвестным до тех пор, пока Е. В. Когут не выявила в РГИА описи Придворной Конюшенной конторы 1802-1803 гг., в которых среди конского убранства было записано оружие и доспехи, в настоящий момент входящие в собрание Музеев Московского Кремля. При этом часть оружия и защитного вооружения связаны с Оружейной палатой XVII в. и впервые фиксируются в Переписной книге оружейной казны 1686/1687 гг.

На наш взгляд, это оружие, судя по описям 1701-1746 гг., находившееся в Оружейной палате на всем протяжении первой половины XVIII в., в правление императрицы Екатерины II было передано в Придворную конюшенную канцелярию и использовалось на каруселях, проводившихся в Санкт-Петербурге и Москве, и только в 1810 г. возвратилось в Оружейную палату параллельно с передачей в нее оружия из императорской Рюсткамеры. Предметы этой группы представляют большой научный интерес, поскольку их происхождение явно связано с различными поступлениями в императорские собрания на протяжении 1730-1770-х гг.

¹ Ссылки на опись рюсткамеры, приведенные Л. П. Яковлевым по этим памятникам, основаны на ошибочной идентификации предметов.

В ряде случаев в приходных книгах Придворной Конюшенной конторы указано время и обстоятельства их поступления. Одна из таких записей привлекла наше внимание. Одна из сабель была записана в книгах следующим образом. В 1802 году: «Принятая в 1772 году с подведенной Его Императорскому высочеству от Кафскаго сераскера лошади при седле турецком штофном красном сабля турецкая в ножнах кожных зеленых, эфес и на ножнах оправа в четырех местах серебряная вызолоченая с финифтью голубую, в некоторых местах финифть обтерта и нет»². В 1803 году: «Принятая в 1772 году с подведенной Его Императорскому высочеству от Кафскаго сераскера лошади при седле турецком штофном красном сабля турецкая в ножнах кожных зеленых, эфес и на ножнах оправа в четырех местах серебряная вызолоченая с финифтью голубую, в некоторых местах финифть обтерта и нет, снурок бумажной красной, подержана и заржавела»³. В этих описаниях легко узнается сабля с ножнами, сохранившаяся в современном собрании Музеев Московского Кремля инв. № Ор-4155/1-2 (Илл. 1).

Илл. 1. Сабля с ножнами. Принадлежала сераскиру Ибрагим-паше. Крым (?), середина – третья четверть XVIII в. (до 1771 г.) Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-4155/1-2. ММК (с).

² РГИА. Ф. 477. Оп. 7. Д. 6. Книга данная из придворной конюшенной конторы седельному надзирателю Зарембскому на записку в приход и выключку из оногo седел, вальтрапов, чепраков и прочего на 1802 г. Л. 239 об.

³ РГИА. Ф. 477. Оп. 7. Д. 10. Книга... по придворной конюшенной конторе... на 1803 год... на записку в приход и в расход седел, вальтрапов, чепраков и прочего. Л. 252. № 684.

В 1885 г. в описи холодного оружия Московской Оружейной палаты она была записана как «Сабля польская, XVII века. Полоса булатная, выкована долем. Рукоять и оправа медная, обронной работы, золоченая, со вставками из голубой финифти. Ножны обшиты хзом яринным, шов прошит серебряными нитками; финифть местами выпала»⁴. Составитель описи Л. П. Яковлев подогнал описание под запись другой сабли в реестре оружия, поступившего в 1810 г. из Санкт-Петербургской рюсткамеры, хотя различия в описаниях резко бросаются в глаза. По архивной ссылке, данной Яковлевым, сабля была описана следующим образом: «Гриф золотой, оправа и крыж с финифтью и камушками, ножны хозовые, на них две обоймы и наконечник золотые с финифтью, портупея кожаная с набором золотым и вставлены камушки. Камней во многих местах нет»⁵. Можно было перепутать золото с золоченой медью или золоченым серебром, из которого в действительности сделан прибор эфеса и ножен этой сабли, но нельзя было не заметить в описании, что помимо эмали эфес украшен «камушками» - вероятнее всего, драгоценными. Кроме того, в описании прибора ножен нет устья, только обоймицы и наконечник. К тому же нам известно, что сабля, описанная в реестре рюсткамеры 1810 г., поступила из Ораниенбаумской рюсткамеры императора Петра III, поэтому мы можем сравнить саблю не только с описанием в передаточной описи 1810 г., но и с описанием непосредственно в описи Ораниенбаумской рюсткамеры: «Сабля казачья, гриф и оправа и наконечник и партупея кожаная набрана с финифтью и осыпана камешками красными и зелеными»⁶. Таким образом, на сабле помимо эмалей были, вероятнее всего, рубины и изумруды, которые точно отсутствуют на этой сабле.

Сложно объяснить, почему Яковлев атрибутировал саблю как изготовленную в Польше в XVII веке, возможно, ему показался европейским рокайльный орнамент оправы, но в этом случае время изготовления следовало бы определить как вторую треть XVIII в. (Илл. 2 и 3).

⁴ Описание Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. М. 1885. С. 209. № 5972.

⁵ Реестр оружия, принятого в 1810 г. А. Н. Олениным. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1258. Л. 204. № 21.

⁶ Ведомость, состоящая во Араниенбоме оружейной каморе бывшего императора 1763 год. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61274. Л. 135 об. № 98.

Илл. 2. Сабля с ножнами.
ММК (с). Инв. № Ор-4155/1-2.
Эфес сабли и устье ножен
с внешней стороны.

Илл. 3. Сабля с ножнами.
ММК (с). Инв. № Ор-4155/1-2.
Эфес сабли и устье ножен
с внутренней стороны.

Клинок сабли из булатной стали, кованный, изогнутый, однолезвийный, клиновидного сечения. От основания до острия с обеих сторон проточен один широкий дол от обуха до лезвия. Пята не выражена, обух широкий, плоский, к боевому концу переходящий в расширение елмани. Эфес литой, серебряный, золоченый, украшен чеканным рокайльным орнаментом на канфарном фоне и с внешней стороны эмалевыми вставками в кастах (на рукояти шесть вставок цвета, имитирующего лазурит). Концы крестовины короткие, отогнутые к клинку, оформлены в виде листьев аканфа и ажурных растительных завитков. В центре перекрестья с внешней стороны три каста с эмалевыми вставками (имитация лазурита), с внутренней — овальный щиток.

Верхний конец перекрестья украшен резными листьями аканфа, нижний оформлен в виде раковины. Ножны деревянные, обтянуты зеленой шагреновой кожей, шов на внешней стороне прошит серебряной нитью. Прибор ножен литой, серебряный, золоченый, состоит из устья, наконечника и двух обоймиц с кольцами для подвески. Прибор ножен с обеих сторон украшен чеканным рокайльным орнаментом на канфарном фоне и гравировкой по торцевым сторонам, с внешней стороны на всех деталях эмалевые вставки, имитирующие лазурит. Длина сабли в ножнах 87,7 см; длина сабли 82,2 см; длина клинка 68 см; ширина клинка у пяты 3,4 см; длина ножен 74,2 см.

На серебряной оправе эфеса и ножен отсутствуют тугры и характерные для турецкого оружия знаки проверки пробы серебра – зубчатая полоса в месте забора пробы. Декоративно-орнаментальное оформление сабли очень характерно для турецкого оружия середины – второй половины XVIII в. Подобное оформление с использованием мотивов европейского стиля рококо мы встречаем на трех турецких саблях, также поступивших в Оружейную палату из Придворной Конюшенной канцелярии (Илл. 4-11).

Однако при этом совершенно необычными для известных нам турецких сабель этого времени являются синие эмалевые вставки, имитирующие лазурит. Нехарактерными для Турции являются и ножны зеленого цвета кожи. Обращает на себя внимание небольшой размер сабли, ее короткий клинок. К этой особенности мы вернемся несколько позднее.

Дата поднесения сабли великому князю Павлу Петровичу – 1772 год. В это время Россия с 1768 г. вела войну с Османской империей. Мы предположили, что подношение наследнику российского престола коня с седлом и саблей связано не с дипломатическим церемониалом, а с военными действиями, поскольку турецкое посольство прибыло в Россию для заключения мира только в 1775 г., а до тех пор с начала войны во время ведения боевых действий дипломатических миссий в Россию от Высокой Порты не было.

Илл. 4.
Сабля. ММК (с).
Инв. №
Ор-4155/1.

Илл. 5.
Сабля. ММК (с).
Инв. №
Ор-4156/1.

Илл. 6.
Сабля. ММК (с).
Инв. №
Ор-4173/1.

Илл. 7.
Сабля. ММК (с).
Инв. №
Ор-4157/1.

Илл. 8. Сабля. ММК (с). Инв. № Ор-4155/1. Эфес с внутренней стороны.

Илл. 9. Сабля. ММК (с). Инв. № Ор-4156/1. Эфес.

Илл. 10. Сабля. ММК (с). Инв. № Ор-4173/1. Эфес

Илл. 11. Сабля. ММК (с). Инв. № Ор-4157/1. Эфес.

Сераскир – это очень высокий ранг турецкого военачальника, соответствующий главнокомандующему армией. Если речь идет о сераскире Кафы – центра турецкой администрации в Крыму, то это говорится о военачальнике, возглавлявшем турецкую армию на территории Крыма. Изучение ряда документальных и мемуарных источников позволили установить, что речь идет об Ибрагим-паше, назначенном главнокомандующим османской армией в Крым 17 июня 1769 г. До этого он занимал должности вали (наместника) Эрзерума, силихдара (оруженосца) султанши, визиря и мушира (военного советника), то есть являлся администратором и военным очень высокого ранга, которому полагалось знамя (бунчук) с тремя конскими хвостами на древке. Связанные с ним события известны нам из целого ряда источников как с русской, так и с турецкой стороны. Помимо официальных документов – реляций главнокомандующего 2-й армией генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова, камер-фурьерских журналов, события описаны в мемуарах участников крымской кампании 1771 г: «Записках» генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского и генерала Г. Э. фон Штрэндмана, прошедшего крымскую кампанию в армии Долгорукова в чине премьер-майора. С турецкой стороны события в Крыму и последовавшие затем злоклучения сераскира Ибрагим-паши были описаны его секретарем Мухаммедом Неджати-эфенди, который был приставлен к нему от императорского управления финансами.

Ибрагим-паша прибыл в Крым вместе с контингентами турецких войск: янычарами, кавалеристами - спaxами из Эрзерума, Трапезунда и Египта. Летом 1770 г. турецкие отряды Ибрагим-паши дважды производили совместно с отрядами крымского хана вылазки за Перекоп против корпуса генерал-поручика М. И. Берга, препятствовавшего сообщению Крыма с Кинбурном. В «Записках» Неджати-эфенди это рисуется как крупные победы Ибрагим-паши, в то время как русские источники рисуют совсем иную картину: турецкие войска, выходившие за Перекоп, отбивались с большими потерями для них, после чего отряд Бауэра отходил от Перекопа, оберегая коммуникации русской армии, что и давало возможность туркам выдавать эти маневры за поражение.

14 июня 1771 г. 2-я русская армия под командованием В. М. Долгорукова атаковала Перекоп и 15 июня прорвала его укрепления, войдя в Крым. 18 июня была взята крепость Арабат на азовском побережье Крыма, а 21 июля были заняты крепости Керчь и Еникале. Поскольку приморские крепости в Крыму были слишком слабы для их обороны, Ибрагим-паша вывел из них гарнизоны и сосредоточил в Кафе, где он ожидал высадки турецкого корпуса под командованием Абазех-паши, посланного на помощь армии в Крыму, однако последний не решился на десант. За эту нерешительность после расследования причин поражения в Крыму Абазех-паша был казнен, а его голова была выставлена в Константинополе в султанском Серале для назидания другим военачальникам (Записки Мухаммеда Неджати-эфенди... 1894, кн. III, 115-116). Значительная часть турецких отрядов в Крыму и местной татарской знати бежала на кораблях в Стамбул. Всеобщая паника привела к ослаблению гарнизона Кафы, полевые укрепления турецкой армии под Кафой были взяты русскими войсками, войска, оборонявшие город, разбиты, и 29 июня Кафа была взята. Сераскир с небольшой свитой забаррикадировался в одной из башен крепости Кафы, откуда послал командующему русской армией письмо с предложением сдаться. Местом сдачи была назначена площадь перед башней, где выстроились русские войска. Сераскир вышел вместе с командиром кафского гарнизона, городскими чинами и своей свитой. Он отдал В. М. Долгорукову свою саблю, которую нес его оруженосец, но Долгоруков вернул ее паше (Записки Мухаммеда Неджати-эфенди... 1894, кн. IV, 192-193). Такой жест в европейском военном ритуале с эпохи средневековья означал признание противником мужества и воинской доблести плененного. Возвращение сданного личного клинкового оружия означало то, что сдавшийся офицер или полководец оказал достойное сопротивление, воевал в соответствии с неписанными правилами честной войны и при сдаче в плен его честь не понесла урона.

Известия о взятии Кафы, Еникале и Керчи вместе с ключами от крепости Еникале были привезены в Санкт-Петербург курьерами из 2-й армии 16 июля 1771 г. (ключи от крепости Перекопа были доставлены еще ранее, 28

июня) (Камер-фурьерский журнал 1771... 1857, 225, 250-251). Оба эти ключа сохранились в современном собрании Музеев Московского Кремля.

Однако плененный сераскир попал в столицу Российской империи намного позднее. После полного занятия Крыма русскими войсками в Санкт-Петербург Долгоруковым были отосланы две партии пленных: в первой - турецкие военачальники со своим главнокомандующим, сераскиром Кафы Ибрагим-пашой в сопровождении отряда под командованием подполковника Ханбаума, а во второй – брат нового крымского хана Кали-Султан со свитой из 70 человек (Записки Густава фон Штрэндмана 1884, кн. VII, 66). Некоторые подробности пребывания в России Ибрагим-паши мы знаем из записок, составленных его секретарем Мухаммедом Неджати-эфенди. Публикатор перевода на русский язык В. Д. Смирнов полагал, что «из содержания записок Неджати-эфенди не видно, чтобы он составил их по чьему-то заказу или поручению; они, очевидно, плод его долговременного и скучного досуга» (Записки Мухаммеда Неджати-эфенди... 1894, кн. III, 116-117). Мы не можем согласиться с этим мнением. О казни Абазех-паши за крымское поражение в России получили известия уже в начале сентября 1771 г. Вряд ли Ибрагим-паша и члены его свиты за почти четыре года своего пребывания в плену не узнали о его судьбе и не думали о том, что ждет их по возвращении в Турцию. И весь текст повествования Неджати-эфенди пронизан восхвалением Ибрагим-паши – его мнимых побед над русскими войсками под Перекопом, которых не было, его попыток организовать сопротивление турецких войск в Крыму (совершенно неочевидных), его стойкого и непреклонного поведения в плену перед лицом русских, постоянно пытавшихся умалить его достоинство, уморить голодом или пошатнуть его веру. В Санкт-Петербурге Ибрагим-паше пришлось мужественно пережить посещение театра и просмотр комедии, маскарад, вид женщин в мужских костюмах и прочие «ужасные» вещи, которым его подвергли русские. Вся вина за поражение возлагается именно на казненного Абазех-пашу и чиновника финансового ведомства (дефтехдара) Эмин-бея. Неизвестно, насколько записки и хвалы от его окружения помогли Ибрагим-паше: после его возвращения в Турцию о нем более нет никаких упоминаний, возможно, он тоже был казнен или попал в опалу и отправился в ссылку.

Описывая пребывание Ибрагим-паши в России, Неджати-эфенди ничего не пишет о каких-либо дарах или подношениях, сделанных им Екатерине II или ее сыну Павлу. Сераскир был доставлен в Санкт-Петербург со своей свитой, состоявшей из 51 человека, включая офицеров янычар и спахов (Указ. соч., кн. IV, 194). В описании путешествия пленников до Санкт-Петербурга, к сожалению, нет совершенно никаких сведений о том, какой багаж и какое имущество были оставлены сераскиру после пленения, были ли оставлены ему лошади. Согласно сведениям секретаря, в Туле сераскиру объявили, что с ним в Санкт-Петербург последует только 21 человек, а остальные будут содержаться в этом городе. Но даже в этом месте Неджати-эфенди не сообщает ничего о личном багаже сераскира или было ли оставлено другим военачальникам их личное оружие. Не выявлено пока подобной информации и в русских источниках. Впервые сераскир Кафы был представлен императрице 18 марта 1772 г. в аудиенц-зале в присутствии иностранных послов, после чего Ибрагим-паша был отведен в покои Его Императорского Высочества Павла Петровича (Камер-фурьерский журнал 1772... 1857, 82). 18 апреля два пленных сераскира – Кафы и Бендер – присутствовали на придворном балу (Указ. соч., 118). Далее он упоминается вместе с крымским Калгой-султаном и Валахским господарем в качестве присутствующего на куртаге (дворцовом приеме) в Петергофе вечером 28 июня 1772 г. (Указ. соч., 222-223). В следующий раз журналы отмечают присутствие Ибрагим-паши на маскараде 29 июня 1772 г. (Указ. соч., 229). Очень интересно упоминание о состоявшемся 4 июля 1772 г. в двух верстах от Красного села конном ристании английских и турецких лошадей, при котором присутствовали и императрица, и великий князь, а в отдельном павильоне на зрелище любовались два пленных сераскира – Кафский и Бендерский (Указ. соч., 243).

Последний раз в дворцовых журналах сераскир упоминается 28 декабря 1774 г., когда он вместе с сераскиром Бендер и свитой обоих военачальников был представлен императрице графом Н. И. Паниным для изъявления благодарности за разрешение вернуться в Турцию перед своим отъездом (Камер-фурьерский журнал 1774... 1864, 688) (Илл. 12).

Илл. 12.

Портрет императрицы Екатерины II.

Неизвестный художник с оригинала А. Рослина, Россия, XVIII в. (?).

Музеи Московского Кремля. Инв. № Ж-1978. ММК (с).

Так же, как и в записках секретаря Ибрагим-паши, в придворных журналах нет никакой информации о подарках, которые сераскир подносил императрице или великому князю. С великим князем Павлом Петровичем, которому на то время исполнилось 17 лет, сераскир, согласно записям, в 1772 г. встречался дважды: 18 марта, когда он был проведен в покои Павла Петровича, и 4 июля, когда состоялись конные ристания в Красном селе. Логично предположить, что поднести наследнику российского престола коня под седлом вместе с саблей он мог после состязаний лошадей. Как нам известно, сабля была оставлена сераскиру при пленении командующим 2-й русской армией князем В. М. Долгоруковым. Но здесь стоит обратить внимание именно на то, что сабля была поднесена в комплекте с оседланным конем. В описи Конюшенной канцелярии за 1802 г. упоминаются еще несколько сабель, состоящих в комплекте при седлах:

1. При принятых в 1775 г. от турецкого посла Абдул Керима беглербея Румелискаго двух седлах с приборами имелось две сабли: «сабля обшита глазетом серебряным красным с оправою и кольцами серебряными позолоченными, на шве плетешок шелковой желтой с золотом» (Илл. 13-16) и «сабля с оправою и с кольцами серебряными золочеными, обшита глазетом серебряным алым, на шве тесемочка шелковая с золотом» (Илл. 17-19)⁷ (обе сабли сохранились в современном музейном собрании⁸).

Илл. 13. Сабля с ножнами. Турция. 1754-1757 гг. ММК (с). Инв. № Ор-4171/1-2.

⁷ РГИА. Ф. 477. Оп. 7. Д. 6. Книга данная из придворной конюшенной конторы седельному надзирателю Зарембскому на записку в приход и выключку из онога седел, вальтрапов, чепраков и прочего на 1802 г. Л. 135-136 об.

⁸ ММК. Инв. № Ор-4171/1-2. Тугра похожа на Османа III (1754-1757); ММК инв. № Ор-4565/1-2. Тугра Махмуда I (1730-1754). В настоящий момент в музейном инвентаре обе сабли ошибочно атрибутированы как изготовленные в Польше в XVIII в. Скорее всего, атрибуция основана на поддельных европейских клеймах на клинках.

Илл. 14. Сабля с ножнами. ММК (с). Инв. № Ор-4171/1-2. Эфес.

Илл. 15. Тугра на конце перекрестья эфеса сабли. ММК (с). Инв. № Ор-4171/1-2.

Илл. 16. Тугра на приборе ножен сабли. ММК (с). Инв. № Ор-4171/1-2.

Илл. 17. Сабля с ножнами.
Турция. 1730-1754 гг.
ММК (с). Инв. № Ор-4565/1-2.

Илл. 18. Эфес сабли в разборе.

Илл. 19. Имитация европейского клейма.

Илл. 20. Тугра на приборе ножен.

2. Среди принятых в 1793 г. из присланных к Его Императорскому Величеству от турецкого султана даров при двух седлах («в сиденье глазетовое, в передней и задней луках обито серебром вызолоченным» и «в сиденье глазетовое, передняя и задняя луки обиты серебром и вызолочены») были записаны «сабля с ножнами оклееными глазетом, оправой серебряной золоченой, при ней снурок шелковой желтый» и «сабля с ножнами оклеены глазетом оправы серебряной золоченой»⁹. Одну из этих двух сабель мы так же можем идентифицировать в современном собрании (Илл. 21-26)¹⁰.

Илл. 22. Сабля с ножнами. Эфес. ММК (с). Инв. № Ор-4173/1-2.

Илл. 21. Сабля с ножнами. Турция. 1774-1789 гг. ММК (с). Инв. № Ор-4173/1-2.

⁹ РГИА. Ф. 477. Оп. 7. Д. 6. Книга данная из придворной конюшенной конторы седельному надзирателю Зарембскому на записку в приход и выключку из оногo седел, вальтрапов, чепраков и прочего на 1802 г. Л. 137-137 об.

¹⁰ ММК инв. № Ор-4173/1-2. Тугра Абдулхамида I (1774-1789). На клинке поддельное европейское клеймо «зубчатые серпы» (иначе «волчьи челюсти»). В музейном инвентаре сабля ошибочно атрибутирована как изготовленная предположительно в России в XVIII в. Крестовина на сабле была утрачена еще в XIX в.

Илл. 23. Клеймо «зубчатые серпы» на клинке. ММК (с). Инв. № Ор-4173/1-2.

Илл. 24. Тугра на приборе ножен сабли ММК (с). Инв. № Ор-4173/1-2.

Илл. 25. Тугра на рукояти сабли. ММК (с). Инв. № Ор-4173/1-2.

Илл. 26. Тугра на устье ножен. ММК (с). Инв. № Ор-4173/1-2.

3. «Оставшаяся от седла турецкаго покрытого парчей серебряной синей мелкоклетчатой, сабля обшита глазетом серебрянным синим с оправою и кольцами серебряными вызолоченными, на шве плетешок шелковой с золотом» (Илл. 27 и 28)¹¹.

Илл. 28. Эфес и устье ножен.
ММК (с). Инв. № Ор-4156/1.

Илл. 27. Сабля с ножнами. Турция. 1757-1774 гг.
Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-4156/1. ММК (с).

¹¹ ММК. инв. № Ор-4156/1-2. Тугра Мустафы III (1757-1774), по рокайльному оформлению эфеса очень похожа на саблю сераскира. В музейном инвентаре сабля ошибочно атрибутирована как изготовленная предположительно в России в XVIII в.

4. «Сабля турецкая полоса простая в ножнах отгласных синих, эфес и наконечник оправы в четырех местах серебряная вызолочена» (Илл. 29-32)¹².

Илл. 30. Тугра на рукояти сабли.

Илл. 31. Тугра на устье ножен

Илл. 32. Тугра на кольце обоймицы ножен

Илл. 29. Сабля с ножнами со шнуром.
Турция. Середина – вторая половина XVIII в.?
ММК (с). Инв. № Ор-4157/-2.

¹² РГИА. Ф. 477. Оп. 7. Д. 6. Книга данная из придворной конюшенной конторы седельному надзирателю Зарембскому на записку в приход и выключку из оногo седел, вальтрапов, чепраков и прочего на 1802 г. Л. 240. ММК. Инв. № Ор-4157/1-2. Тугры на приборе ножен и эфесе плохо читаются и пока не идентифицируются. В музейном инвентаре сабля ошибочно атрибутирована как изготовленная в России в XVIII в. Крестовина на сабле была утрачена еще в XIX в.

Сабли при седлах фиксируются и в комплектах конской сбруи, присланных турецким султаном по случаю заключения Кучук-Кайнаджарского и Ясского мирных договоров, которые были сразу переданы непосредственно в Оружейную палату, при этом одна из них, входившая в комплект даров султана Селима III при заключении Ясского мира в 1793 г., весьма близка по своей морфологии к двум саблям, поступившим в Оружейную палату из Конюшенной канцелярии¹³.

Все эти сабли имеют ряд общих черт:

1. Они записаны при седлах или в документах упомянуто, что эти сабли от седел.

2. Все они имеют серебряную золоченую оправу эфесов и ножен. Все дошедшие экземпляры за исключением сабли сераскира Кафы имеют на деталях выбитые тугры.

3. Все эти сабли имеют крестовины с короткими загнутыми к клинку концами. Оправа эфесов и ножен чеканная, с преобладанием орнаментальных элементов рокайльного стиля, получившего большую популярность в Османской империи с 1740-х гг. Серебряные крестовины такой формы с многолепестковыми розетками на завершениях отогнутых к клинку коротких концов встречаются на османских саблях с конца XVII в., в частности, на саблях типа «пала», имеющих очень широкие клинки Т-образного сечения (Илл. 33).

Илл. 33. Сабля «пала» с ножнами.
Турция. 1-я половина XVIII в.
ММК (с). Инв. № Оп-4452/1-2.

¹³ ММК. Инв. № К-168/1-2.

4. Клинки небольшой кривизны, длина которых колеблется между 60-70 см. При этом следует отметить, что для кавалерийского клинкового оружия всегда характерен более длинный клинок по сравнению с пехотным. При рубящем ударе с коня или уколе требуется достаточная длина клинка, чтобы можно было поразить пешего воина, пытающегося избежать поражения, пригнувшись к земле, до конного воина клинок должен доставать с учетом габаритов коней. В XVI в. европейские кавалеристы, в первую очередь тяжеловооруженные копейщики, использовали напоминающие короткие сабли тесаки с короткими, но мощными широкими и толстыми у обуха клинками – фальчионы или кутласы (Илл. 34).

Французский маршал Блез де Монлюк описывал применение подобных тесаков французскими жандармами в 1540-е гг. во время Итальянских войн. По его словам, их клинки прекрасно разрубали кольчужные рукава и шлемы-морионы испанских пехотинцев (Monluc 1964, 103). Однако у группы турецких сабель, дарившихся вместе с седлами, мы видим слишком короткие клинки, возможно, переточенные из поврежденных клинков обычных сабель. Более того, у экземпляров с размонтированными эфесами мы видим очень короткие хвостовики, крепящиеся к рукоятям всадным способом с помощью клеевой массы-мастики. Такое крепление является крайне ненадежным при ударной нагрузке, что говорит о том, что как минимум в ряде случаев эти сабли не должны были иметь боевого назначения.

Илл. 34. Сабля с ножнами. Турция. 1730-1754 гг.
ММК. Инв. № Оп-4565/1-2.
Деталь. Клинок. ММК (с).

Судя по следам изготовления, хвостовики вырезаны из клинков, а не вытянуты при их ковке, что подтверждает версию о переделке клинков этих сабель из поврежденных сабельных полос путем их укорочения. На наш взгляд, возможно, короткие сабли, возившиеся в XVIII в. при седлах, могли бы быть отголоском использования кавалерийских тесаков в более раннюю эпоху, однако нам совершенно не известна традиция использования подобного оружия в Османской империи, как не известны и образцы подобного турецкого оружия.

5. На ножнах сабель шов на ткани как правило проходит с внешней стороны, он украшается тесьмой или узкой полосой золотной ткани. Следует обратить внимание на то, что ткань на ножнах всех сабель в крайне поврежденном состоянии, и эти повреждения фиксируются уже в описях 1802-1803 гг.

Наиболее ранний экземпляр сабли этого типа происходит из Алмазной мастерской (Илл. 35)¹⁴. Судя по сохранившимся туграм, оправа этой сабли была изготовлена при султани Ахмеди III (1703-1730). Клинок сабли европейской, скорее всего, немецкой или штирийской работы XVII в., боевой конец и елмань клинка явно переточены и укорочены по сравнению с обычной европейской саблей (Илл. 39).

Илл. 35. Сабли с ножнами.

Турция. 1703-1730 гг., клинок – Европа, XVII в.

ММК (с). Инв. № Ор-4178/1-2.

¹⁴ ММК. Инв. № Ор-4178/1-2.

Илл. 36. Гравировка на клинке. ММК (с). Инв. № Ор-4178/1-2.

Илл. 37. Клеймо на пяте клинка. ММК (с). Инв. № Ор-4178/1-2.

Илл. 38. Фрагмент тугры на конце перекрестья. ММК (с).
Инв. № Ор-4178/1-2.

Еще один подобный экземпляр с клинком длиной 69,3 см хранится в Оружейной палате Дрездена. Эта сабля, датируемая в комплекте с булавами, седлами, чепраками и оголовьями, входила в дар курфюрсту Августу Сильному от крымского хана Каплан Гирея, поднесенный 9 августа 1714 года¹⁵.

Таким образом, мы можем говорить о целом типе турецких сабель XVIII в., прилагавшихся к комплектам конской сбруи и дарившихся вместе с ними. Такое сочетание в дар конской сбруи с холодным оружием вполне характерно для османской традиции, хотя ее распространение зафиксировано и в ряде восточноевропейских государств: Венгрии, Польше. В XVI-XVII вв. в комплекты конной упряжи, дарившиеся русским царям от польских королей, часто входили «торчи» - так часто в документах того времени называли кончары – кавалерийские мечи-эстоки с очень длинными, часто гранеными клинками, предназначенными исключительно для укола. Их подвешивали вертикально слева у передней луки седла или почти горизонтально под седлом. Подвешивались к седлу у передней луки и булавы. Рисунки и гравюры XVI-XVII вв. донесли до нас большое количество турецких всадников, у которых изображено оружие, крепящееся у седла или под седлом. Помимо кончаров и булав мы видим на них палаши. В XVIII в. кончары полностью вышли из употребления в кавалерии не только в восточной Европе, но и в Османской империи. Однако в эту эпоху сохранилась традиция крепления у седел булав (Илл. 40 и 41).

Илл. 39. Клинок европейской сабли. XVII в.
Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-792. ММК (с).

¹⁵ См. в (Schuckelt 2010): P. 280 Kat. № 261. Inv. № Y 94; P. 290 Kat. № 277. Inv. № L 50.

Илл. 40. Турецкий всадник с булавой у седла.
Recueil. Moeurs et costumes des Orientaux. (Dessins en couleurs). P. 36.
Источник: gallica.bnf.fr/ Национальная Библиотека Франции (BnF) (с).

Илл. 41. Турецкий всадник с кончаром у седла.
Recueil. Moeurs et costumes des Orientaux. (Dessins en couleurs) P. 62.
Источник:gallica.bnf.fr/ Национальная Библиотека Франции (BnF) (с).

В музейных собраниях Московского Кремля и Дрезденской оружейной палаты сохранились специальные клапаны с петлями для подвески булав, которые подвешивались у седел¹⁶.

К сожалению, нам не известны изображения турецких всадников, датируемые XVIII в., у которых с левой стороны под седлом подвешена вторая сабля в дополнение к висящей на поясе конника, в отличие от гравюр, рисунков и миниатюр XVII в., на которых мы видим турецких конных воинов с подвешенным у седла кончаром или военачальников высокого ранга, у седел которых подвешены булавы. Поэтому крайне осторожно мы можем пока только предполагать, что с 1730-х гг. в комплект конской сбруи, подносящейся в дар, вошла короткая сабля. Вопрос состоит в том, предназначались ли эти сабли для ношения на боку у пояса или же они подвешивались под седлом на коня. На наш взгляд, эти сабли могли и носиться всадником на поясе, и привешиваться при седле. Небольшой размер сабель делает их одинаково удобными и для ношения, и для транспортировки под седлом. Характер повреждения ткани на ножнах ряда сабель может свидетельствовать о том, что они подвешивались у седла под его боковым крыльцем, а постоянное трение при езде приводило к сильному повреждению ткани.

В собрании Британского музея имеется турецкий рисунок, датируемый 1790 г. На нем изображена выводная церемониальная лошадь турецкого султана¹⁷. На ней мы видим ведомую под уздцы лошадь, обращенную к зрителю правым боком. На тканном намете, покрывающем седло, присутствует подвешенная в горизонтальном положении сабля. С левой стороны, вероятнее всего, к седлу подвешен щит, верхним краем выступающий над седлом. Такая же выводная лошадь турецкого султана изображена на эстампе гравера Жака Жувийе из «Сборника различных костюмов главных чиновников и магистратов Порты и народов, подчиненных оттоманской Порте», издававшемся в 1775-1780 гг. (Илл. 42).

¹⁶ См. в (Schuckelt 2010): P. 281 Kat. № 263. Inv. № T 53.

¹⁷ The British Museum. Inv. № 1974,0617,0.12.2.122.

https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1974-0617-0-12-2-122

Илл. 42. Лошадь Великого султана с его оружием. Jacques Juillet.
Источник: gallica.bnf.fr/ Национальная Библиотека Франции (BnF) (с).

На изображении с подписью «Выводная лошадь великого султана, несущая его оружие» мы видим коня, повернутого левым боком, на котором у седла закреплен щит, а под ним видно либо навершие булавы, либо навершие рукояти кончара, поскольку по другую сторону щита различим торчащий узкий конец предмета, не характерный для булавы и пернатов¹⁸. Таким образом, во второй половине XVIII в. мы видим сохранение традиции подвески различного вооружения к седлу церемониальных лошадей, что фиксируется изображениями, дошедшими до нас комплектами дипломатических даров, а также фиксацией в документах Придворной конюшенной канцелярии единых комплектов конской сбруи, включавших в себя сабли при седле. Сабля сераскира Кафы Ибрагим-паши могла быть включена в комплект конской сбруи лошади, подаренной им наследнику российского престола, при этом и сабля, и сбруя, и конь могли происходить только из имущества, оставленного сераскиру и его свите при пленении.

По некоторым своим морфологическим признакам (длина клинка, форма и декор эфеса и ножен, конструкция крестовины, крепление клинка к рукояти) сабля сераскира Ибрагим-паши похожа на остальные «седельные» сабли, однако при этом ее отличает от других подобных образцов ряд особенностей. Во-первых, у всех остальных сабель простые стальные клинки, как мы считаем, в ряде случаев переделанные из поврежденных более длинных сабельных полос. У этой же сабли мы видим клинок из высококачественной булатной стали. Только у этой сабли ножны покрыты не тканью, а кожей, а прибор украшен эмалевыми вставками. На ножнах и приборе нет повреждений, характерных при трении ножен о крыльце седла и чепрак. На серебряном приборе эфеса и ножен, как уже упоминалось выше, отсутствуют турецкие клейма. При этом, если остальные сабли по цвету ткани ножен соответствовали ткани, которой были обиты седла, вместе с которыми они дарились, эта сабля дисгармонирует с красным цветом ткани, которой было обито седло, подаренное сераскиром с конем. На наш взгляд, это вызвано тем,

¹⁸ Juillet, J. Recueil des différents costumes des principaux officiers et magistrats de la Porte et des peuples sujets de l'empire ottoman. Paris. 1778
<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53155489m.r=Recueil%20des%20diff%C3%A9rents%20costumes%20des%20principaux%20officiersJuillet%20Juillet?rk=21459;2>

что у сераскира была с собой только одна сабля, которую ему оставил при пленении В. М. Долгоруков. Вряд ли плененным спутникам Ибрагим-паши, отправленного в Санкт-Петербург с небольшим конвоем и при 50 офицерах и чиновниках его армии, позволили иметь при себе личное холодное оружие, тем более что нет никаких упоминаний о том, что оружие при сдаче в плен позволили сохранить при себе еще кому-либо. Путешествие пленных до Санкт-Петербурга длилось девять месяцев, в пути, особенно в начале, сохранялась возможность побега, и оставлять даже самому Ибрагим-паше несколько экземпляров сабель и кинжалов было бы весьма рискованно. Вряд ли и самому сераскиру было позволено взять иное оружие, кроме сохраненной ему при сдаче в плен сабли – символа его неутраченной воинской чести. Поскольку от аналогичных османских сабель она отличается лишь булатным клинком, отсутствием тугр на серебре, кожаными ножнами и прибором, украшенным эмалевыми вставками под лазурит, мы бы предположили, что она могла быть изготовлена не в Турции, а непосредственно в Крыму во время пребывания там сераскира (1769-1771 гг.). Поэтому сабля одновременно по морфологическим признакам близка к другим турецким саблям, но при этом в своем декоративном оформлении имеет черты, не встречающиеся на других дошедших до нас экземплярах османских сабель XVII-XVIII вв. Однако эта атрибуция нуждается в дополнительных доказательствах, к сожалению, в нашем распоряжении отсутствуют образцы холодного клинкового оружия XVIII в., которое имело бы доказанную атрибуцию в качестве изготовленного в Крыму.

На настоящий момент мы можем утверждать следующее:

1. В собрании оружия Музеев Московского Кремля хранится сабля, принадлежавшая главнокомандующему турецкой армией в Крыму Ибрагим-паше, взятому в плен в 1771 г. Эту саблю он в 1772 г. вместе с оседланным конем поднес в качестве дара великому князю Павлу Петровичу. Возможно, это был своего рода церемониальный жест побежденного военачальника: свое личное оружие, которое оставил ему генерал-аншеф В. М. Долгоруков, он счел необходимым отдать наследнику российского престола. Не случайно это действие осталось совершенно неупомянутым секретарем сераскира:

возможно, он боялся, что это действие могло скомпрометировать его господина при возвращении в Турцию.

2. В Придворной Конюшенной канцелярии хранилась целая группа парадной турецкой конской сбруи, к седлам которой прилагались сабли, отличающиеся небольшим размером клинков и серебряной парадной оправой. По нашему предположению, возможно, эти «седельные» сабли не носились у пояса, а возились притороченными под седлом. Этот тип сабель ранее не выделялся в оружейной литературе. Для подтверждения наших выводов требуется комплексное исследование не только сабель, но и тех седел, к которым они относились. Предположительно в настоящий момент они находятся в собрании Государственного Эрмитажа. Такое исследование мы надеемся провести в ближайшее время совместно с Е. В. Когут и сотрудниками Арсенала Государственного Эрмитажа.

Библиография

Записки Густава фон Штрандмана. Перевод с немецкого, сообщение Н. К. фон Штрандман 1769-1771 // Русская старина. — СПб., 1884.

Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771-1775 гг. Перевод и комментарии профессора В. Д. Смирнова // Русская старина. — СПб., 1894.

Камер-фурьерский журнал 1771 года. — СПб., 1857.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1774 года. — СПб., 1864.

Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1772 года. — СПб., 1857.

Monluc B. (1964). Commentaires 1521-1576. Paris. 1590 p.

Schuckelt H. (2010). Die Türkische Cammer. Sammlung orientalischer Kunst in der kurfürstlich-sächsischen Rüstammer Dresden. Dresden. 384 p.

References

- Kamer-fur'erskij ceremonial'nyj zhurnal 1774 goda [Chamber-Fourier ceremonial journal of 1774]. SPb., 1864.
- Kamer-fur'erskij ceremonial'nyj, banketnyj i pohodnyj zhurnal 1772 goda [Chamber-Fourier ceremonial, banquet and marching magazine of 1772]. SPb., 1857.
- Kamer-fur'erskij zhurnal 1771 goda [Chamber-Fourier journal of 1771]. SPb., 1857.
- Monluc B. (1964). *Commentaires 1521-1576*. Paris. 1590 p.
- Schuckelt H. (2010). *Die Türckische Cammer. Sammlung orientalischer Kunst in der kurfürstlich-sächsischen Rüstammer Dresden*. Dresden. 384 p.
- Zapiski Gustava fon Shtrandmana [Notes of Gustav von Strandmann]. *Russkaja starina* [Russian antiquity]. SPb., 1884.
- Zapiski Muhammeda Nedzhati-jefendi, tureckogo plennoogo v Rossii v 1771-1775 gg. [Notes of Muhammad Nejati-effendi, a Turkish prisoner in Russia in 1771-1775]. *Russkaja starina* [Russian antiquity]. SPb., 1894.